

Сказ Ания

Всезнайка из Бирмоля
Тибель для скорпиона

Сказ Ания
Всезнайка из Бирмоля.
Гибель для скорпиона
Серия «Бюро одиноких душ», книга 2

*<https://litres.ru/74053564>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Пустыня Халеппи не спрашивает, готова ли ты рискнуть и не щадит любопытных.

В первый же день экспедиции меня забросило на территорию ядовитых людей-скорпионов, где чувства всего лишь товар, а любое касание смертельно.

В минуты отчаяния я прижимаю к себе пенограф, будто он может защитить. Техника не умеет сражаться, зато помнит каждое слово — именно это сейчас важнее всего. Мои записи должны стать не только диссертацией, а доказательством, что я не просто упрямая дочь аристократа, а настоящий учёный.

Но главный скорпион уже решил, знания чужеземки — его путь к абсолютной власти.

Иффриз прячет меня, нарушая законы своего народа, потому что впервые чувствует то, что неподвластно зельям.

Моя главная задача построить мир, где сорванный поцелуй не будет означать смерть.

Новая книга из цикла «Бюро одиноких душ».

Содержание

Глава 1. Когда молчит рефрактор	5
Глава 2. Последнее желание учёного	15
Гл	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сказ Ания

Всезнайка из Бирмоля.

Гибель для скорпиона

Глава 1. Когда молчит рефрактор

Запись третьего дня, пятого месяца, девятьсот пятьдесят шестого года от основания Иргарда.

Мы добрались до Кальдеры — последнего цивилизованного поселения на границе бескрайних просторов Халеппи, поглотивших под собой всё живое. На удивление, этот крохотный городок умело западает в душу. Вырубленный в толще плотного песчаника, он кажется продолжением скал, и даже ветер здесь поёт по-особенному — глухо и низко.

— Запасаем воду здесь. Берём столько, сколько смогут унести шаари, — скомандовал Марсин Стерн, руководитель научной группы. — Нора, не спи, ты слышала, что я сказал?

Проходя мимо, он небрежно потряс меня за плечо.

В благодарность за бесплатное место в экспедиции я готова была простить мистеру Стерну некую фривольность поведения, но терпение моё было не безграничным.

Недовольно поморщившись, оторвалась от пенографа, тонкой зеркальной пластины, с экраном похожим на перга-

ментный лист, в котором кропотливо вела голосовые записи всех своих наблюдений, полезных для будущей диссертации.

Натянула на лицо защитный клетчатый платок и подхватив две большие походные фляги, пристроилась в конец очереди к колодцу. Прямо позади широкой спины нашего проводника из племени Бану-харба.

Обычно хмурый и неразговорчивый бедуин в этот раз довольно бегло и громко втолковывал Марсину причину своего недовольства:

— Я злюсь, потому что нельзя отправляться сейчас! — ломаный акцент только усиливал видимое раздражение мужчины.

— Глупости. — Марсин вытер нос платком. — Посмотрите на рефрактор.

Рука с зажатым в ней клетчатым комочком ткани указала на монументальную колонну в три человеческих роста с огромными призмами из горного хрусталя на вершине, обращёнными к четырём сторонам света.

— Разве похоже, что они потемнели или хотя бы замутнели? — не унимался Марсин.

— Я верю не человеческим игрушкам, а коренным обитателям пустыни и своей интуиции. Посмотри, чужак, шаари сбились в кучу. Они чувствуют приближение бури и не поднимаются в путь.

Я невольно обратила внимание как десять гигантских ящеров, жаривших бока на солнце утробно рычали, взрывая

перепончатыми лапами песок.

В книгах шаари назывались «дружелюбными пустынными скакунами», но вблизи они выглядели, наоборот, опасными. Их гладкая, песочного цвета кожа туго обтягивала мощные тела и короткие крепкие ноги, а большие чёрные глаза сейчас казались настороженными. Один из них медленно повернул длинную шею, украшенную жёстким гребнем, и уставился прямо на меня.

— Наука — не игрушка. — Важно произнёс Марсин. — В отличие от вашей живности, имеющей эмоции, страхи и настроение, технические приборы точно считывают эфирные потоки атмосферы, предшествующие буре. И раз кристаллы чисты, значит, опасности нет. Стало быть, не будем терять время.

Погонщик тяжело вздохнул:

— Как пожелаешь, чужеземец.

Если присмотреться, поведение животных, действительно выглядело весьма странным, но и с Марсином я тоже была согласна. Подобно мистеру Стерну, мой разум больше полагался на данные, подтверждённые точными приборами, а не домыслами.

Пока фляги наполнялись чистой водой, я быстренько достала пенограф и произнесла:

— Диапазон записи пятнадцать сантиметров. Приоритет — женский голос. Десять минут до отправления к лагерю Банну-харба. Атмосферное давление стабильно. Эфирный

рефрактор показывает идеальную прозрачность всех четырёх граней.

— Последний городской снимок! — Ролана, активистка нашей группы, схватила меня за руку и потащила к смотровой площадке, откуда открывался потрясающий вид на дюны.

Я чудом успела закрутить пробку на последней фляге. Неуёмная позитивная энергия помощницы мистера Стерна искрами отражалась в каждой веснушке на её остром лице, периодически сверкая в копне медных кудряшек, сейчас наглухо скрытых платком.

Неудивительно, что стоило ей заболеть, как Марсин впал в отчаяние, придирчиво подыскивая замену для работы на выставке Ветрополя. Сочетание практичного ума и сногсшибательной харизмы — явление довольно редкое.

В итоге он всё же нашёл меня, благодаря моей подруге Сае и нашему забавному бюро по подбору компаньонов на все случаи жизни.

— Ну-ка, все дружно, помахали руками! — подзадорила Ролана, настраивая сферограф.

Так что исполнением своей заветной мечты я была обязана бюро «Чудесный вечер». Захотелось, чтобы Сая и Виола увидели меня довольную и счастливую на пути к великим открытиям. Я неистово заработала сразу обеими конечностями.

Но весь момент испортил Марсин, громко и с чувством

сморкнувшись в платок как раз в тот момент, когда Ролана нажала кнопку сферографа.

— Мистер Стерн, ну что вам стоило потерпеть, ей Богу, такой кадр загубили! — Ролана досадливо покачала головой, вновь возводя рычажок аппарата.

— Я не виноват, ужаснейший климат! — гнусаво пожаловался форменный вредитель, аккуратно свернул клетчатое носовое убожество и спрятал в карман.

Девушка хотела переснять, но вмешался суровый проводник, напомнив, что время поджигает. Говоря эти слова, взгляд его тёмных глаз был прикован вовсе не к рефрактору, а к сбившимся в кучу шаари.

Пришлось спешно седлать ящеров. Подхватив рюкзак и фляги, я осторожно подступила к одному из диковинных животных. Внутренняя гортанная вибрация, издаваемая им, не вызывала доверия. Я уже давно заметила, что зубы у них были весьма внушительными.

— Не бойтесь, мисс, — хрипло сказал подошедший проводник из племени Бану-харба. — Животные чувствуют вибрации земли, течение ветра, поэтому нервничают, когда они резко меняются, предвещая бурю.

Погонщик взвалил на ближайшего шаари мой багаж и помог подняться. Спины у пустынных ящеров были нестерпимо горячие от палящего солнца и гладкие, чтобы не скатываться во время езды поверх мягкой попоны на них крепили мягкое седло, больше похожее на примятый пух.

К вечеру жара стала невыносимой. Шаари двигались сквозь барханы с ленивой грацией, и от долгого сидения у меня заныли мышцы. На любые попытки ускорить темп они фыркали, мотали длинными шеями и постоянно принохивались к ветру, который, потихоньку начал менять направление.

Желая скрасить томительные часы в пути, я поравнялась с проводником, решив задать ему несколько предварительных вопросов о жизни его племени:

— Скажите, Бану-харба всегда ставят внутренние ощущения выше очевидных данных? — начала я самым дружелюбным тоном, искажённым глухой тканью платка.

— Смотря что считать очевидным. — Проводник как бы ненароком погладил своего шаари. Бедуину защитный покров разговаривать совершенно не мешал.

— Я имею в виду ваш самобытный консерватизм, граничащий с суевериями.

Погонщик промолчал. Он просто смотрел, как порыв горячего ветра приносит первые, пока ещё редкие, струйки песка. И это было красноречивее любого ответа.

Мне очень хотелось, чтобы Марсин оказался прав в своих прогнозах насчёт погоды, но теперь и я всё больше и больше замечала отголоски приближающейся бури. Шаари гудели и фыркали, не желая набирать необходимый темп. Их всадники изнывали под палящим солнцем, но сделать ничего не могли.

Когда животные, не дойдя до обиталища Бану-харба всего какую-то дюжину метров, наотрез отказались передвигаться дальше, было решено разбить лагерь в низине между дюнами.

Мужчины споро установили палатки. Мы с Роланой и ещё одной девушкой развьючили нервных шаари и выставили магический защитный полог.

Вредные ящеры тут же с головой зарылись в раскалённый песок. Их тихое, утробное рычание было единственным звуком в подступающей тишине.

Наш проводник что-то бормотал себе под нос на родном наречии, явно недовольный поведением пустынных скакунов.

Воздух густел. От нехватки кислорода понемногу начинала кружиться голова. Я плюхнулась на скрученное одеяло. Пенограф безотказно записывал мой тихий голос:

— Первый привал в пустыне. В сумерках атмосферное давление падает, как и температура. Становится трудно дышать. Животные проявляют признаки беспокойства.

Я машинально подняла голову от прибора и вновь посмотрела на зверей. Один из шаари высунул острую морду на поверхность издав низкий, вибрирующий стон, от которого у меня по спине пробежали мелкие мурашки.

— Стоянка Бану-харба всего в нескольких метрах от нас, — продолжила я наблюдения, старательно игнорируя тревожные звуки за спиной. — Они не разжигают огонь, види-

мо, бояться привлечь хищников и джинов. Отсюда хорошо видны их силуэты, маячившие на гребне дюны. Кажется, они всматриваются в горизонт.

Разжиться тёплым костром или хотя бы засветить энергетические спирали, наш проводник категорически запретил, устроив Марсину настоящий скандал. Они громко кричали жестикулировали на границе лагеря.

Мистер Стерн втолковывал тёмному аборигену, что стоянка защищена магическим полем тишины и невидимости и без особых умений ни одна тварь не сможет сюда подобраться.

А проводник шумел брызжа слюной, что он живёт в Халеппи всю свою жизнь и не раз возвращал в Кальдеру бездыханные тела таких же вот самоуверенных мулов, вроде нашего руководителя экспедиции.

— Всем спать! — скомандовал разъярённый Марсин, вихрем пролетая в свою палатку. — Завтра первый рабочий день!

Я послушно дезактивировала пенограф и стащила громоздкие, неизящные ботинки, пригодные ходить разве что по таким вот зыбучим пескам.

Мои коллеги всё ещё продолжали шутить и переговариваться, втихаря мелкими вспышками щёлкала кнопка сферографа.

Ветер налетел внезапно, с рёвом разъярённого зверя. Палатки затрепетали, песок дробью ударил в лицо.

— Смотрите, там, на горизонте! — Ролана указала пальцем на темнеющий восток.

Даль была мутной и нечёткой. На фоне смазанных васильковых облаков клубилось что-то ещё более тёмное и злое. И это что-то неумолимо приближалось, сминая под собой высокие барханы, будто карточные домики.

Потоки воздуха вихрились и рябили. Мне показалось, что я даже видела несколько сиреневатых вспышек внутри гуляющей воронки.

— В укрытие! — закричал кто-то.

Началась суeta. Сквозь щель в платке я увидела рядом с собой тюки и ящик с дарами для местных обитателей. Решение пришло мгновенно.

Дрожащими руками я распахнула громадный сундук, швырнула внутрь свой драгоценный пенограф, и сама нырнула следом. Тяжелая крышка захлопнулась за мной, отрезая все звуки и погружая мир в абсолютную темноту.

Моё временное убежище трещало и шаталось под натиском стихии снаружи. Со всех сил я вцепилась в него изнутри, очень надеясь, что крышку не сорвёт безумным ветром.

Хотела записать ощущения в пенограф, но куда там. Оставалось надеяться, что он выживет в битве с ворохом сувенирного барахла.

В непроглядной темноте содержимое вокруг меня громыhalo и ёрзало, периодически больно стучая по коленям или пальцам. Я мысленно пожелала здоровья тому, кто решил

подарить бедуинам массивный самоварный артефакт. В бок как раз упёрся его острый резной краник. Зашипев, максимально вжалась в стенку, но деться было некуда. Град песчинок осыпал сундук, неприятно барабанил по доскам.

Кислород стремительно иссякал, грозя мне смертью не от песка, а от банального удушья. Внезапно всё прекратилось. Ветер стих, перестав расшатывать моё узилище. Кое-как развернувшись, и получив ещё один подарочный тычок в спину, я попыталась приподнять крышку, но тут же передумала. Над моей головой слышались голоса.

Разговаривало несколько мужчин, но я не могла понять ни слова из их текучей, витиеватой речи. Язык незнакомцев не был похож ни на один из тех, что мне доводилось слышать. Даже наш проводник, частенько переходящий на свою родную речь, издавал более лающие, рваные звуки.

Возможно, существует какой-то местный пустынный диалект, — я попыталась вновь нашарить в темноте пенограф и записать наблюдение. Но не успела, деревянный короб лихо дёрнулся с места. Я завалилась назад, сверху посыпались увесистые книги и посуда. Сундук рвануло ввысь, и, плавно покачиваясь, он тронулся в неизвестном направлении.

Глава 2. Последнее желание учёного

В крохотную щель, образовавшуюся на месте сучка, я смогла разглядеть только края чёрных плащей, совершенно не похожих на халаты Бану-харба, которые мельком удалось рассмотреть в отдалении, среди сумеречных дюн.

Тёмная ткань небрежно шевелилась в такт шагам хозяев и закрывала складками практически весь обзор. Из сей неутешительной картины я вынесла единственно логичное заключение: как минимум двое мужчин угрожающего вида прямо сейчас несли нас с сундуком в неизвестном направлении, и от этого становилось ещё более жутко.

Готовясь к экспедиции, я перелопатила всю студенческую библиотеку и прочла каждую книгу, где имелся хотя бы один абзац, посвящённый устройству жизни в пустыне. Лишь одно племя на бескрайних просторах Халеппи могло похвастаться собственным сложным диалектом и тёмной, невзрачной одеждой. Но что понадобилось представителям закрытого и жестокого Лахиль-мау на территории враждебного племени, распри с которым разъедали их не одну сотню лет?

Выходило, что наша группа просто подвернулась под руку, когда свои собаки кусались, и меня, по глупости, угораздило стать трофеем среди прочего сувенирного хлама.

Осознание неизбежной трагедии свинцовыми оковами легло на грудь. Стенки и пол моего убежища повело, к горлу подкатила дурнота, выступившая каплями нервного пота на носу.

Согласно источникам, Лахиль-мау варили пленных в больших котлах на песке, из костей делали украшения, а из кожи — пояса и плащи.

Иногда, так сказать, особо редкие особи за ценные и полезные в хозяйстве вещи отдавались проезжающим мимо караванам, а те везли бедолаг на подпольные рабовладельческие рынки.

— Крепись, Нора. Может быть, тебе повезёт и ты тоже всего лишь окажешься в Сольваре, где тебя выкупит какой-нибудь достойный господин, а не будешь болтаться на пузе у дикаря. — Пробормотала я себе под нос, трясущейся рукой протирая запотевшее пенсне, и тут же вздрогнула от наметившихся перспектив.

Голоса снаружи стали громче, они явно о чём-то спорили. Сейчас позарез требовался верный пенограф: записать наблюдения, да и просто скинуть напряжение, чтобы трезвые мысли начали наконец посещать мою бедовую голову. Пока люди наверху заняты своими проблемами, тихий шёпот из недр сундука никто не услышит.

Искать устройство в крошечной деревянной темноте — затея весьма глупая. Я бы даже сказала, провальная, если только не призвать немного магии.

Сложив руки домиком, заклинанием призвала свет в ладони — «Адитиар»!

Получилось ярко. Вспышка целиком заполонила небольшое пространство сундука, вычертив из тьмы хаос кульков и коробочек, сваленных неопрятной, грубой кучей и подпертых самоварным чудом современного артефактостроения. Пенограф сиротливо притаился в углу, между рядами энергетических спиралей и новеньким рулоном тончайшей ткани с фирменной биркой фабрики «Норди» на боку.

Но дотянуться до артефакта не удалось. В этот момент сундук перестал мерно плыть вперёд и резко зашатался. В сотый раз выбравшись из объятий самоварного артефакта, я припала к наблюдательному пункту, проделанному в дубовом боку.

Оттуда на меня глянул любопытный тёмный глаз.

Я так испугалась, что начисто забыла про любую осторожность. Вскрикнув, отпрянула назад, ожидаемо наткнувшись на препятствие в виде стенки и впечатавшись затылком во что-то мягкое и шуршащее. За шиворот посыпались сухие, колючие кусочки. В спертom воздухе нестерпимо запахло курительными смесями из Бирмольской лавки Ромеро Батиса. Финальным аккордом стал мой звонкий чих, ставший эхом в лязге отброшенной крышки.

Взъерошенная, помятая путешествием и самоварной утварью, в вихре сушёных трав я поднялась навстречу своим невольным попутчикам. Вылезать совсем не рискнула, при-

села на колени, вцепившись в край сундука, как голодающий в последний кусок хлеба.

Трое мужчин обступили сундук и с высоты своего немалого роста безразлично взирали на открывшееся чудо.

С ранних лет родители старались дать мне хорошее воспитание и привить манеры, которые учат юных леди, что в любой непонятной ситуации для начала необходимо поздороваться. С этого начинается любой продуктивный диалог. Я была прилежной ученицей и, памятуя наставления гувернантки, любезно улыбнулась трём крепким дикарям, словно мы были давними друзьями.

— Добрый вечер!

Я ляпнула первое, что пришло в голову, хотя в действительности не имела ни малейшего представления, сколько времени прошло с момента моего погружения в сундук. Определить по окружающей обстановке тоже не получилось: мы находились в тоннеле, петлявшем сквозь толщу песка. В руках у мужчин были круглые лампы с сиреневым огнём внутри. Они источали таинственный, неестественный свет.

Не меняя безразличного выражения, троица переглянулась.

Один из дикарей поднял повыше фонарь, поднося его к моему лицу. Соболиные брови резко сошлись на переносице. Обернувшись, он произнёс:

— Ифриз'э, джари Иргард'тар.

Его соплеменник, нижнюю часть лица которого скрывала

полумаска, прищурил тёмные волоокие глаза:

— Зиркхан каль?

Первый пожал плечами. А третий, неподвижно стоявший всё это время, холодно сказал: — Ифриз'э, раштул. Тха ун-шар вокташ саи.

Человек в маске со вздохом присел перед сундуком.

Я замерла. Сердце билось так сильно, что мощные удары отдавались в ушах и солнечном сплетении. Гладкое дерево под напряжёнными пальцами едва слышно заскрипело.

— Меня зовут Нора Дафор. — Уголок моего рта неуверенно дёрнулся, словно не зная, решиться ему на располагающую улыбку или лучше оставить всё как есть, от греха подальше. Назвать этих людей дружелюбными мало у кого повернётся язык.

Мужчина никак не отреагировал. Он продолжал молча изучать меня. Его взгляд не был злым или насмешливо похотливым. Хуже, он был пустым и неестественным. Обычно так смотрят на человека, беседа с которым давно перешла в разряд «и прервать неудобно, и слушать неинтересно». Сквозное каменное любопытство, пока на самом деле ты витаешь в далёких чертогах своего разума.

Однако в самой глубине агатовых глаз вилась живая тьма. Она закручивалась чёрной дымчатой спиралью, завораживая и пугая одновременно.

— Мои напарники не понимают твою речь, бледноликая дева. — Наконец выдал он высокопарную фразу, растягивая

слова с надстроеным объёмным акцентом.

Я растерянно моргнула. Меня, конечно, называли по-всякому и остроклювой ласточкой, и большеглазой совой, но впервые кто-то отметил цвет моей кожи. Хотя на фоне троих смуглых мужчин я действительно выглядела белой поганкой.

— Могу я узнать, куда попала?

Твёрдая ладонь в перчатке мягко, но ощутимо толкнула меня обратно в сундук и захлопнула крышку.

Земля вновь ушла из-под ног. Мы снова двигались неведь куда, только теперь странные дикари были в курсе моего присутствия и уже явно решили, как поступят дальше. А мне отчаянно не хотелось ни в котёл, ни становиться донором для ремешков.

Вобрав в грудь остатки воздуха, я закричала:

— Я подданная Иргарда, у меня связи!

— Сиди тихо, иначе наживёшь неприятностей. — Сухо пообещал мне бархатистый мужской баритон снаружи.

Спорить с дикими варварами не было никакого смысла. Подцепив пенограф, я записала краткое сообщение:

— Запись третьего дня, пятого месяца, девятьсот пятьдесят шестого года от основания Иргарда. На первом привале наш лагерь накрыла песчаная буря, а меня похитили дикари из враждебного племени Лахиль-мау. Они не говорят на общем языке...

В сознании вспыхнула пара тёмных и слишком опасных глаз, пристально сверливших меня ничего не выражающим

ВЗГЛЯДОМ.

— Почти не говорят, — быстро исправилась я. — Очевидно, сейчас они несут сундук со мной внутри к месту стоянки племени. Лахиль-мау славятся своим жестоким нравом и нетерпимостью к чужакам. Возможно, это моё последнее сообщение. Нашедший пенограф, сообщите, пожалуйста, мистеру Марсину Стерну, а лучше Хамфри Дафору о том, что он был прав по поводу опасностей пустыни, но его дочь погибла не просто так, она отдала свою жизнь во имя науки.

Тыльной стороной ладони я утерла непрошенные слёзы.

— Соберись, Нора. Горевать будешь над кипящим котлом, а пока ты ещё жива и можешь добыть что-нибудь интересное, увековечив своё имя для потомков.

С обречённым воодушевлением я припала к стенной дырке. Сейчас третий человек шёл чуть в стороне, и я сумела разглядеть, как тоннель круто нырнул вниз, а затем вывел всю компанию к щербатому проёму.

Яркий солнечный свет хлестнул по глазам. Я заморгала, не в силах раскрыть веки на нужную величину. После крошечной темноты такое освещение казалось пыткой, но вскоре зрение восстановилось, а затем лишь для того, чтобы показать мне нечто невероятное. В отличие от своих врагов из Бану-харба, эти ребята умели устраиваться.

Подземный ход вывел нас к краю громадного обрыва, по стенам которого вились дорожки, лесенкой идущие вниз мимо точек пещер до самого дна, где на площади из бурого пес-

чаника возвышались настоящие пирамидальные зиккураты, крытые шатры и даже фонтаны, из которых била не вода, а нечто сиреневое, цветом похожее на огни в лампах мужчин. Ужасно хотелось пройтись там собственными ногами и детально рассмотреть каждый миллиметр пространства.

Ни в одной из прочитанных мною книг не описывалось ничего подобного. Это будет настоящий прорыв. Я возбужденно схватила за пенограф, но воспоминания об участии большинства местных пленных притушили исследовательскую искру. Потому сухо продиктовала артефакту увиденное, не забыв упомянуть величественную статую какого-то местного божества, венчавшую центр. Кому именно поклонялись дикари Лахиль-мау, сверху определить не удалось.

Интересно, у них полагается перед смертью последнее желание? Я бы попросила часовую прогулку с пенографом под мышкой.

Процессия свернула влево, и весь доступный мне пейзаж скукожился до бугристых коричневых стен.

Я покинула свой крошечный наблюдательный пункт, как выяснилось, зря. В растрепанных чувствах я пропустила момент, когда извилистые улочки сменились округлым кабинетом, больше похожим на кротовую нору повышенного уровня комфортности.

Крышка сундука вновь поднялась. На этот раз я не спешила шевелиться, воинственно прижав пенограф к груди.

Рядом остался только один мужчина с маской на нижней

половине лица, тот самый, который мог изъясняться по-человечески.

Цепкий взгляд прошёлся по моим босым ступням, очертил линию колена в белом шёлковом чулке, торчащего среди складок бежевой ткани. Поднялся к талии, затем переместился на шею и ключицы и, наконец, замер на губах. На секунду мне показалось, что тьма окончательно поглотила зрачок бедуина.

Я поспешно одёрнула задрывшуюся от тряски и падений юбку.

— Ты без оружия. Вылезай. — Небрежно бросил он, усаживаясь за каменный прямоугольник, очевидно служивший столом.

Мало того, что этот нахал не соизволил подать девушке руку, не помог выбраться из недр дубового склепа, так он ещё, оказывается, не мной любовался, а искал опасные предметы, припрятанные среди одежды.

Обиженное самолюбие требовало вставать медленно, с размеренностью и грацией истинной аристократки, мастерски испытывая терпение незнакомца.

Тщательно расправив складки на юбке, я ступила на ледяной пол. Никакой отделки вокруг не было, голый песок вперемишку с глиной и известняком. Твёрдые крошки тут же впились в ступни и наверняка порвали мои любимые удобные чулки.

Сохраняя лицо, я даже не поморщилась, отточенным дви-

жением поправила пенсне и с достоинством разместилась на жёстком камне напротив. Всё это время мужчина спокойно наблюдал за мной, не выказав ни грамма раздражения или нетерпения.

От подобной реакции досадно заскребло в груди. Очень хотелось отомстить бесчувственному чурбану за пренебрежение к моей благородной персоне. Однако он очень быстро напомнил о моём нынешнем статусе и причинах нашего диалога.

— Сколько вас?

Я осеклась и поёрзала на месте, не собираясь подвергать опасности других членов команды. — Только я.

Мужчина прищурился. — Не лги мне, бледноликая. Такие, как вы, никогда не путешествуют в одиночку. Всегда стадом.

— Группами. — машинально поправила пустынного. — Но я одна. — Гордо вскинула подбородок, не собираясь отступать. Будь что будет, всё равно самое худшее уже случилось.

— Зачем ты дразнила Джина? Разве не знаешь, что его не поймать одному?

Мои брови ожили и удивлённо поползли вверх. — Джина? Человек в полумаске утвердительно кивнул. — Джина. Если бы мой мы не оказались на его пути, твои кости давно бы обклеивали стервятники.

Я на секунду прикрыла глаза, стараясь уложить в раска-

лѐнной голове тысячи возможных вариантов моих приключений, уже разраставшихся перед моим мысленным взором.

— Вы хотите сказать, что не нападали на лагерь?

Кажется, в эту минуту во мне окончательно умер профессиональный шпион. Так глупо споткнуться на совершенно гладкой поверхности диалога, когда тебе давали время на осмысление происходящего, могла только простодушная дилетантка вроде меня. Отменным дипломом по вранью я никогда не обладала.

Естественно, мужчина тут же ухватился за первое неосторожное слово. — Значит, Лагерь.

Я пискнула в ответ что-то невразумительное, стараясь найти взглядом точку опоры в пространстве и наконец успокоить расшалившиеся нервы.

— И ты в нём была одна?

Мой похититель, с опытом профессионального сыщика прицельно точно цеплялся за неудобные и самые нестройные кирпичики в моей глухой броне, заставляя говорить всё больше лишних и совершенно ненужных вещей.

Решив не поддаваться на искусную провокацию и вообще больше не открывать рот, я молча кивнула, по-прежнему внимательно изучая скучную однотонную стену.

— Давай по-хорошему, бледноликая. Я ведь всё равно узнаю правду.

Тѐплое дыхание коснулось моего уха, расшевелив россыпь мелких каштановых волосков у виска.

Пока я изображала из себя гордую статую Манума Властного, в незапамятные времена погибшего от предательского топора собственного друга, но так и не сказавшего врагам, где спрятал сокровища и казну, мужчина перегнулся через стол.

Сейчас нас разделяло всего несколько крошечных сантиметров, которые он не спешил нарушать. Холодный взгляд выжидательно рассматривал моё лицо.

Мысленно отметила, что равнодушие ужасно сочетается с немного раскосой, я бы даже сказала, рассеянной постановкой таких больших и глубоких глаз. Кошунственно и неправильно лишать их искры тепла и озорства. Они обязаны излучать нежность и веселье из-под густых пушистых ресниц.

И я вдруг осознала, что более всего на свете хочу ощутить на себе подобный взгляд, почувствовать, каково это. Ну или хотя бы краем глаза увидеть ту, которой повезло больше, чем мне.

Заметив, что я пристально изучаю его в ответ, мужчина мигом вернулся на исходную позицию.

— Хорошо. Я принимаю твоё решение, бледноликая.

Он встал и направился к двери.

Я занервничала, понимая, что если допрос окончен, то жить мне, возможно, осталось не так уж и долго.

— Я вышлю группу за остальными, и они сами мне всё расскажут. — Широкая ладонь не спеша потянула за кольцо, служившее ручкой.

— Подождите!

Дикарь не слушал. Он кричал что-то своим соплеменникам, высунув голову в коридор. Ничем кстати не отличимый от самого кабинета. Если здесь все здания такие, то как они сами не путаются?

Усилием воли заставила себя не думать о сборе данных хотя бы в предсмертный час.

— Хочу предупредить, мой отец входит в число приближённых советников его Величества. Если с моей головы упадёт хоть один волос, то вы ответите по законам Иргарда! — голос моментально высох, став тоньше и выше на несколько нот. Мало того что сама угодила к жестоким бедуинам, так ещё и остальных подвела под эшафот.

Плечи мужчины под плащом застыли. Он сказал что-то ещё подошедшему человеку и вновь захлопнул дверь.

— В пустыне твои смешные законы не действуют. — Припечатал бедуин, лишая меня последнего козыря.

— Это не даёт вам право творить всё, что вздумается! Моя фамилия узнаваема в Бирмоле, меня будут искать, у вас будут неприятности. — Слова утекали в пустоту мужского равнодушия, как вода сквозь пальцы. Последнюю фразу я произнесла на выдохе, всхлипнув от подступивших слёз.

Медленно опустившись на корточки у моих ног, мужчина осторожно положил ладони по обе стороны от моих туго сомкнутых колен, ни на миллиметр не нарушив хрупкую, невидимую границу, но я замерла так, будто почувствовала

прикосновение. Чёрные глаза пытливо отыскиали мои. — Что ты можешь рассказать мне?

Его психологические приёмы работали безотказно. Умело подбирая жесты и интонации, опасный пустынный заставлял выдавать ему одну тайну за другой.

— Всё, что вы захотите узнать. Спрашивайте. Я отвечу, а уж потом пускайте на ремешки. Только меня одну. Остальных не трогайте. Наша экспедиция научная и совершенно безобидная.

Занимать своё прежнее место дикарь не спешил. Задумчиво провёл пальцем по кончику скульптурного носа. — Эти трусы отправили тебя на верную смерть. А ты их так самоотверженно защищаешь.

Он сокрушённо покачал головой. — Неужели среди вас не нашлось достойных воинов?

От сочетания образов Марсина Стерна и воина у меня вырвался подленький смешок. Я тут же прикрыла рот ладонью.

— Ты либо глупа, бледноликая, либо слишком самонадеянна.

Тут же осадил меня пустынный мизантроп. Я зло поджала губы. Ещё никто на моей памяти не обвинял Нору Дафор в глупости.

— Никто меня никуда не отправлял! — сердито выплюнула я в сторону мужчины. — Налетела буря, и я просто спряталась от неё в сундуке с дарами. И всё.

Лицо в полумаске повернулось в сторону сундука, стоявшего рядом. Затем и весь человек переместился к нему, откинул крышку.

Среди хаоса, творившегося внутри, было крайне сложно понять и отследить ценность вещей, наполнявших деревянный прямоугольник.

— И кому вы везли этот хлам?

— Вам. — В сердцах ляпнула я, с замиранием сердца ожидая реакции.

Мужчина устало потёр глаза.

— Там всё самое необходимое для комфортной жизни в пустыне. Проводник из племени Бану-харба лично отбирал нужные в быту и ценные вещи. — Бодро отрапортовала я, стараясь исправить щекотливое положение. — Я читала, что быт Лахиль-мау не сильно отличается от соседей, так что вам они тоже будут полезны. Ведь так?

Повисла недоуменная пауза. Мужчина молча взирал на содержимое сундука. Желваки под маской ходили, словно маятник. Вдруг он развернулся ко мне.

— Думаешь, что попала в плен к бедуинам?

Если бы не его ровный голос, я могла бы поклясться, что тьма в его глазах на крошечный миг озарилась улыбчивым светом.

— Это очевидно. — Я важно расправила плечи. — Только одного не пойму. В энциклопедии сказано, что вы живёте на открытой местности, под самодельными шатрами. А тут...

— Я абстрактно обвела рукой пространство, не рискнув раскрыть жесткому типу, как много видела в отверстиях в стене сундука. Они, кажется, сильно трясутся за тайну своего бытия, прибьёт ещё на месте. А так есть хоть какой-то шанс.

— Тут очень странная штука. — Раздвинув пачки с энергетическими спиралями, мужчина достал карманный рефрактор.

— Очень нужная в пустыне вещь. — Я ловко поправила сползшее пенсне. — Можно отследить благоприятность погодных условий в любой точке мира и заранее узнать о бурях и прочих катаклизмах.

— Помню нечто подобное в Кальдере, но там прибор гораздо больше. Могу я взять этот?

— Ой, да п-пожалуйста, сколько угодно! — Я зашлась чужим нервным смехом, кажется, начав заикаться от облегчения. Его такой простой и неожиданно вежливый вопрос убедил, что убивать он меня не собирается, по крайней мере сейчас.

Мужчина поднялся, позвал ещё двух человек из коридора, и они ловко подхватили сундук. Затем, указав на меня пальцем, произнёс:

— Лунгишар, анзиркхаль каль кхаин. Луднаркат.
Фигуры с сундуком кивнули и ушли.

А я снова напряглась, подобно пружине. Рановато начала радоваться. Вот он, пришёл час икс.

— У нас обречённым полагается последнее желание. —

Рискнула я нарушить гнетущую тишину.

Мужчина оторвался от изучения рефрактора. Бросил на меня быстрый взгляд и кивнул. — Идём. Просьбу расскажешь по пути.

Холодея с каждым бешеным ударом сердца, я встала.

Активировать пенограф не решилась, его могли у меня просто отнять.

Чередой безликих коридоров мой молчаливый спутник вёл меня в неизвестном направлении. Я едва попевала за его широким шагом, спотыкаясь и шипя от боли, когда босые ступни встречали россыпь мелкой острой крошки.

Мы завернули за угол, собираясь выйти на тропинку, струящуюся по краю пропасти. Наконец-то я увижу нижние постройки во всей их полной красе. Может, даже удастся статую разглядеть напоследок.

Воодушевившись, прибавила ходу и тут же застонала от боли. Коварный осколок кремня притаился в тени пещеры, чтобы с чувством распороть ногу незадачливой чужеземке, непрошено оказавшейся здесь. Пыльный чулок мгновенно стал красным от крови.

— Покажи. — Спокойно потребовал пустынный.

Отрицательно помотала головой, инстинктивно поджав увечную конечность и стараясь прикрыть безобразие подолом юбки. Чувство неловкости от того, что малознакомый мужчина наблюдает меня в таком неопрятном виде, заставляло балансировать на одной ноге, словно цаплю.

Мой похититель выходку не оценил. Молча наклонился, намереваясь самостоятельно добраться до раненой ступни.

Засуетившись, я попыталась удержать подол юбки и неловко выронила пенограф, прямо на макушку, укрытую капюшоном.

Наличие дикаря смягчило удар, и артефакт не разбился, а просто скатился прямо в смуглые руки.

Тот принялся внимательно разглядывать диковинную вещь, а я, чувствуя, что близок не только мой смертный час, но и час расставания с заветной вещью, спешно затараторила: — Это всего лишь пенограф, он не опасен, я веду в нём записи для будущей диссертации, не отбирайте его, пожалуйста!

С таким же успехом можно было просить статую или любую здешнюю стену. Мужчина аккуратно убрал мой артефакт за пазуху.

— Вы бесчувственный, жестокий человек! — я шаталась на одной ноге, которая уже начала порядком уставать. — Могли бы дождаться, пока меня казнят, а потом уже распоряжаться моими вещами!

И снова этот странный весёлый проблеск в непроглядной тьме глаз. А может быть, так работала моя фантазия.

— Аштар сигур. — Со вздохом пробормотал мужчина, обращаясь к покатоному потолку и снял плащ, открывая взору роскошную плотную косу, идущую от затылка до самых колен, при этом плотно опоясывая атлетическую фигуру.

Меж смоляных сплетённых кудрей таинственно мерцали золотые цепи и ещё какой-то металл, блестящий как панцирь у крабов.

Я даже ругаться перестала, ровно до того момента, как необычный дикарь спеленал меня плащом, вместе с головой. Ткань пахла густым и сладким мужским ароматом, с масляными нотками сандала, тёмным и волнистым, как волосы бедуина.

На мгновение я замерла, вдыхая экстравагантный запах. Мужчины Бирмоля пахли гораздо бледнее, без этой обволакивающей, живой дикости.

— Твоя обувь не годится для пустыни. — заключил мой спутник и совершенно не изящно взвалил кулёк из меня и плаща на плечо.

— Моя обувь осталась в лагере, а пенограф я всё равно завещаю науке, так что можете не рассчитывать! — Повиснув вниз головой, я вновь обрела дар речи.

— Тише, Нора. — Мягко урезонил меня дикарь.

Мерно покачиваясь на его плече, я вдруг подумала, что надо бы запретить ему звать меня по имени. Одно такое «Нора», произнесённое грудным, округлым акцентом, вынуждает меня завещать ему не только пенограф, но и свою часть замка в Ветрополье.

Плохо, мисс Дафор. Очень плохо.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.